

Анна Медь

МУТАЦИЯ

18+

Анна Медь

Мутация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53607123

SelfPub;

ISBN 978-5-532-05736-4

Аннотация

Меня зовут Анна. После заражения вирусом моя мать бесследно исчезает на моих глазах. Я пытаюсь спасти детей но мне мешают. После потери сознания я даже не могу управлять мышцами своего тела. Странный мужчина называет меня Зуве и говорит, что мне очень повезло. Теперь меня учат справляться со змеей, которая оказалась внутри меня. Мне все еще кажется, что это люди ошиблись, и у меня всего лишь развитая интуиция обычной женщины. Но мне предлагают пройти тест, после которого я чудом остаюсь жива. Кто я теперь и что мне поможет найти своих дочерей?

Содержание

Эвтаназия	8
Божья несправедливость	13
Зуве	19
Деус	25
Чувство вины	30
Змея	34
Лаборатория	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сегодня нас предупредили, что спасти детей не получится. Оказалось, что условия, созданные для защиты детей, на практике не сработают. Тесты, проводимые учеными, показали отрицательный результат.

Теперь клеткам каждого жителя планеты предстоит встретиться с новым видом вируса, вызывающим у человека необратимые изменения в сознании и теле.

На общем собрании раздали памятки, чтобы мы понимали, что происходит, и готовились к неизбежному.

Памятка представляла собой бумагу серого цвета с традиционным приветствием президента и тремя пунктами.

То, что должно было изменить нашу жизнь на 180 градусов, излагалось официальным языком и вмещалось на листочках примерно 10 см в диаметре.

Пункт первый говорил, что после вторжения вируса в наш организм для разных людей ситуация разовьется по-разному.

Для одной группы болезнь закончится переходом сознания на новый уровень, и возникнет иное восприятие реальности.

У другой группы после заражения вирусом мутируют физические параметры тела. Такие люди будут более приспособлены к выживанию в условиях высокой радиации и недостатка кислорода.

Пункт второй касался людей старше 40 лет и удивил меня еще больше. На серой бумажке черные буквы беспристраст-

но и хладнокровно рассказывали о том, что людям после 40 лет придется пройти добровольную эвтаназию.

Я не поверила этим строчкам и перечитала их еще три раза, но никакой двусмысленности не нашла. Объяснения жестокости крылись в подпунктах «а» и «б».

Подпункт «а» гласил: «Так как сознание людей, носивших тело более 40 лет, в силу полученного опыта и убеждений не имеет гибкости, для него переход на новый уровень невозможен».

Подпункт «б» убивал собой последнюю надежду на жизнь после сорока: «Мутация тела ввиду изношенности и сбоев некоторых процессов регуляции жизненных процессов невозможна».

Пункт три забивал последний гвоздь в крышку гроба 30 % населения планеты Земля.

«Всем людям старше 40 лет рекомендовано в течение двух суток после начала заболевания обратиться в консервационный центр для безболезненной эвтаназии.

Сожалеем, что не можем ничем помочь. Президент планеты Земля».

Гулкий ропот, будто шум прибоя, прошелся волной по многолюдной толпе и стих. Все помнили, как во время последней попытки поспорить с правительством в наш город прекратили подачу воздуха, и улицы за несколько минут заполнились трупами с посиневшими лицами.

Я выдохнула, взяла под руку маму и, слегка покачиваясь,

пошла к дому. Больше от меня ничего не зависело.

За серебристым столом беззаботно играли две белокурые девочки 7 и 5 лет. Младшая Аля рисовала торт к моему сорокалетию, а старшая Ася точила карандаши круглой белоснежной точилкой, которую ей подарила бабушка. Папа девочек погиб пять лет назад при выполнении сложного маневра на планете Зельт. Через несколько месяцев родилась младшая Аля. Для старшей девочки пришлось купить специальный чип, стирающий все воспоминания, связанные с отцом. Они были очень близки с папой, и разрыв эмоциональной связи нанес бы дочери серьезную психотравму. Потерю мужа и кормильца я переживала в одиночестве, изредка позволяя своей матери жалеть меня.

После прочитанного на площади мы решили ничего не говорить девочкам. Они молодые, способные, сильные. Возможно, для них этот вирус – единственная возможность вырваться из разрушающей реальности и жить полной счастливой жизнью, не ограниченной мыслями о том, что нужно платить за кислород. Если, конечно, написанное в памятках – правда.

Я обняла Алю, и две маленькие ручки в ответ нежно обхватили шею. До меня вдруг дошло, что больше не нужно работать на трех работах, чтобы обеспечить девочек. От этого стало даже легче. Теперь есть возможность посвятить себя детям без остатка до самого последнего своего дня и не думать ни о чем другом.

Запасы еды в доме измерялись примерно неделей полусытого существования. А больше и не понадобится. Я снова заглянула в голубые распахнутые глаза младшей дочери. Боже, какая она хорошенькая и как быстро выросла. Ее глаза совсем не изменили цвет с того дня, как я впервые приложила маленький рот к своей набухшей горячей груди. Жаль, что мне пришлось пропустить самые милые годы ее взросления из-за постоянных поисков пропитания.

Через 7 часов у моей мамы поднялась температура. Тот самый вирус, с температурой и бордовой сыпью на запястьях.

– Надо собираться, – прошептала мама, оглядываясь на дверь.

– Подожди, еще есть двое суток, – так же тихо ответила я ей со слезами на глазах.

– Лучше уж сразу, чем ждать и считать часы.

– Мамочка...

Я села на пол, обняла ее колени и заплакала. С одной стороны я понимала, что иного пути нет, но в душе, несмотря ни на что, трепетала слабая надежда. Вдруг что-то изменится за это время, вдруг врачи найдут какой-то другой способ помочь тем, кто не может измениться в силу возраста?

Эвтаназия

Мама погладила меня по голове так же нежно и ласково, как в детстве.

– Дочка, береги моих внучек. Я свое уже пожила, не переживай из-за меня. И думаю, Анна, сейчас как раз то самое время отдать тебе одну вещь.

Я открыла заплаканные глаза и с удивлением посмотрела на маму. Мама медленно встала, подошла к журнальному столику, сунула руку под коричневую металлическую столешницу и ловким движением вытащила небольшой флакон с пломбой.

– Держи, – протянула она странный пузырек, – и не открывай его до тех пор, пока не будешь уверена, что это единственное средство, которое может помочь. И запомни, пользоваться можно один раз.

Я с любопытством уставилась на серебристый пузырек, напоминающий баночку йода или зеленки.

– Это флакон памяти. Однажды его передала мне твоя бабка, а я сохранила для тебя.

– А чем он помогает?

– Я точно не знаю. Но открывать его можно в самом крайнем случае.

– Мам, сейчас как раз такой случай, давай откроем.

– Нет, Анна. Береги для своих дочерей, их жизнь важ-

нее, – ответила мама строго и показала пальцем на незаметную кнопочку на пузырьке, которая была встроена с левого бока.

Мама нажала на нее, и пузырек тут же изменил форму. Теперь уже на теплой ладони лежал красивый кулон в форме сердечка. Мама сняла с себя цепочку из калифорния 252, подаренную ей мужем на свадьбу 50 земных лет назад, продела в ушко кулона, и цепочка оказалась на моей шее.

– Все, мне пора. Только не провожай. Ты же знаешь, я не люблю сантименты.

Конечно, мама была права. Не стоило ее провожать и продлевать минуты мучения для обеих. Но я все равно поступила по-своему. Дождавшись, пока она отойдет от дома, осторожно выскользнула из двери и направилась следом. Мама шла медленно, не оглядываясь, наверняка чувствуя мой взгляд своей прямой спиной. Лишь изредка она поднимала голову к темному небу, будто пытаюсь запомнить его холодное безмолвие и равнодушие.

Возможно, днем прощаться с планетой, на которой провел всю жизнь, и правда, сложнее. Ведь были здесь и радостные моменты, особенно до того дня, как правительство объявило население платить за воздух, за защиту от радиации, за чистую воду, за возможность рожать, оставляя ребенка себе, и многое другое.

Тогда-то случился первый бунт. Мама рассказывала, что правительство для подавления бунта в тот год впервые

пошло на жесткие меры, чтобы надолго приучить народ к повиновению. С нескольких районов планеты, где было больше всего недовольных, сняли защитный купол, нейтрализующий повышенный уровень радиации. Миллионы человек сильно облучились, сотни тысяч погибли сразу, десятки тысяч скосили серьезные заболевания. Мой отец потом говорил, что нет смысла искать справедливости. Простые граждане хотят жить, а не бороться с тем, кому явно проиграют.

Следующие 30 лет люди боялись сказать что-то против управляющих лиц, и бунтов больше не было. Лишь 10 лет назад какой-то борец за справедливость из нашего городка решил выступить против правительства. После его выступления на площади наказали весь город. Правительство перекрыло доступ кислорода на несколько часов. У кого не было собственных сэкономленных запасов кислорода, погибли. Мы с мужем тогда прятались в подвале дома и в течение двух часов по очереди дышали с помощью кислородного баллона. Второй отдала моей маме.

Наверное, мама вспоминала свою жизнь по дороге на эвтаназию и сожалела о том, что приходится завершать ее вот так глупо, согласно пункту 2 правительственной памятки для населения.

Вдруг я увидела, что слева к маме приближается какой-то мужчина. Потом еще одна женщина, потом еще. Наверное, это тоже заболевшие, которые покорно шли на эвтаназию. Минут через пятнадцать рядом с мамой шагали уже около

полусотни мужчин и женщин. Некоторые, судя по походке и одежде, были моими ровесниками. Неужели мне тоже скоро придется отправиться туда?

Неожиданно я почувствовала, как прохладный ветерок подул со спины. Я оглянулась. Но ветер сразу же стих. Ничего подозрительного не было.

– Смотри, смотри, – раздался чей-то крик из толпы, и все, кто был рядом с мамой, подняли головы кверху.

Огромный светлый шар, появившийся из воздуха, навис над людьми, не издавая ни одного звука. Вдруг яркая вспышка ослепила мои глаза так больно, что я закрыла лицо руками. Через несколько секунд я убрала руки от глаз, снова привыкая после яркого света к темноте, и прислушалась. Вокруг стояла тишина.

Когда глаза привыкли к темноте, оказалось, что рядом с мамой нет больше ни одного человека, и мамы тоже в том месте нет. Только большой круг выжженной травы обреченно отдавал в атмосферу последние теплые пары.

Рывком я бросилась к выжженному полю и дотронулась до черной золы. Она еще была теплой. Боже мой! Они сожгли людей?! Просто взяли и сожгли всех тех, кому обещали безболезненную эвтаназию, ссылаясь на свою гуманность?

Я закрыла рот руками, чтобы не закричать, и кинулась к своему дому со всех ног. Дыхание не слушалось, вдох менялся местами с выдохом, я задыхалась от возмущения и страха. Через 20 минут я бросилась на кровать и завыла в подушку.

Мой разум отказывался понимать, что с людьми можно поступать подобным образом. Жестоко. Хладнокровно.

– Не хочу жить на такой планете, не хочу подчиняться такому правительству! – бормотала я шепотом, боясь разбудить детей.

– Мамочка, что случилось? – раздался голосок младшей дочери.

Я замерла.

– Ничего, милая. Все хорошо, – пытаюсь выглядеть как можно спокойнее и вытирая слезы, пробормотала я в ответ и повела ее за руку к кровати. – Спи, милая, спи.

– Мам, а где бабушка? Почему дверь в ее комнате открыта, а ее нет?

– Завтра все расскажу, спи...

Божья несправедливость

Красно-оранжевые всполохи, похожие на морских рыбок с короткими плавниками, то и дело мелькали в небе, создавая причудливые фигуры. Чаще всего эти движения замечались по ночам, когда чернильная темнота сама провоцировала варианты видений для неумной человеческой фантазии.

Встречая утро с открытыми глазами, я лежала на холодной кровати и неподвижно смотрела в потолок. Сейчас даже небо вызывало во мне отвращение, будто оно тоже было участником сожжения моей матери и тех людей.

– Мам, почему снова проверяют защитный купол?

Я повернула голову и увидела, что старшая дочь стоит рядом и смотрит в окно.

– Наверное, хотят убедиться, что все системы в порядке и нам ничего не угрожает.

Дочка еще раз пристально посмотрела на небесный купол, затем глубоко вздохнула и опустила глаза.

«Она все знает», – закралась ко мне тревожная мысль и внесла сумятицу в мой вариант истории, который я приготовила для девочек, чтобы скрыть правду настолько, насколько это возможно.

Ася покраснела, будто прочла мою мысль. Видимо, ей стало стыдно или неловко передо мной за то, что она не может поверить в искренность ответа на ее вопрос.

Тем временем младшая Аля тоже проснулась и, не забыв ночную открытую дверь в комнате бабушки, приступила к допросу с пристрастием. Впрочем, я обрадовалась детскому лепету, потому что Аля пока не доросла до возможности делать серьезные логические выводы.

– Мам, мам, где бабуля?

Я посадила младшую к себе на колени и обняла старшую за талию.

– Девочки мои, бабушка ночью уехала. Далеко.

– А когда вернется? – продолжала Аля.

– Дело в том, что бабушка уехала к своему мужу, вашему дедушке. Но он находится очень далеко. Много световых лет отсюда. Она не сможет оттуда вернуться.

– А почему нам ничего не сказала? – с обидой в голосе возмутилась Аля.

– Не хотела вас расстраивать.

– А как же мы теперь будем жить без бабушки, если ты все время на работе? – с недоверием к моим словам снова прищурила глаза Ася.

На этот вопрос я тоже не могла ответить честно.

– Обязательно что-нибудь придумаем, – прошептала я с улыбкой, как будто за ней можно было спрятать слезы, мгновенно выступившие на моих глазах.

Девочки прижались ко мне, обдавая жаром детской безоговорочной любви к матери, и я с огромным удовольствием вдохнула глубокий аромат тонкой нежной кожи и шелкови-

стых кудрявых волос.

Жар ото лба Али был сильнее, чем у Аси.

Меня пробил озноб, и по телу побежали мурашки, наполняющие сердце прямо через кожу тревогой, паникой и страхом.

Неужели все? Почему так быстро?

Я достала температурный измеритель и приложила к уху дочки. 37.5.

– Милая... Только не сейчас, только не сейчас...

Но второй раз измеритель показал тот же результат.

С трудом сдерживая комок слез, подступивший к горлу, я вышла в ванную комнату и включила воду.

– Неужели нет выхода?

Из мутного зеркала на меня смотрело уставшее посеревшее лицо сорокалетней женщины с морщинками в уголках глаз.

Если бы муж сейчас был рядом, то увез бы нас на другую планету, хотя бы тот же Зельт... Ну почему я одна? Я не могу... Я устала... Что мне теперь делать? Почему ты так несправедлив ко мне, Бог? Волна рыданий подкралась к моему горлу совсем близко. Резким движением я переключила кран на ледяную воду и стала плескать ее на лицо, чтобы загнать комок беспомощности и жалости к себе туда, откуда он появился. Туда, откуда ему запрещалось выходить долгие годы.

Все, надо взять себя в руки. Дети не должны понимать, что

происходит. Надеюсь, им повезет больше, чем мне. Главное, чтобы они выжили. Я сделала глубокий вдох и попыталась выровнять дыхание до того, как девочки меня снова увидят.

К вечеру у Али появилась характерная сыпь, и температурный измеритель показал у старшей дочери 37,3.

«Хорошо, что одновременно, – подумала я и сама испугалась своих мыслей. – Дотяну до последнего, и раньше времени никому ничего не скажу про детей».

Измотанная вчерашними событиями и переживаниями, я отключилась прямо в комнате на низком диванчике, сжимая в руках Алиного плюшевого мишку. Снова снился Максим. Он протягивал ко мне руки и звал на Зельт, но я по-прежнему не слушала мужа и не садилась в большой серебристый корабль.

Вдруг холодный ветер коснулся кончиков моих пальцев, поднялся по рукам и обдал ночной свежестью лицо.

Я открыла глаза. В доме стояла тишина. Но что-то было не так. Мое сердце ускорило темп работы, заставляя чувствовать, что происходит нечто необычное. Входная приоткрытая дверь пропускала через себя звуки, доносившиеся с улицы. Я вскочила с кровати и одним рывком открыла дверь в комнату девочек. Две кровати стояли пустыми, а на полу валялись небрежно скинутые одеяла.

– Что происходит? Девочки!

Я опрометью бросилась к входной двери, догадываясь, что в доме никого нет. Дверь податливо открылась нараспашку.

Рядом с домом детей тоже не было, но я успела заметить, как за поворотом мелькнула ярко-желтая ночная рубашка, такая же, как у Али.

– Девочки, стойте! – Я рванула вслед за детьми, не замечая, что на улице много людей, как обычно бывает днем.

– Ася, Аля! – крикнула я через пару минут еще раз изо всех сил, но девочки даже не обернулись.

– Стой! – Я схватила младшую за рукав, и она наконец-то остановилась, но почему-то не оборачивалась и молчала.

– Что с тобой? Почему вы ушли?

Резким движением развернув к себе родного ребенка, я застыла.

Аля смотрела сквозь меня пустыми глазами и никак не реагировала.

Я подбежала к старшей, остановив ее так же за рукав. У Аси был такой же отсутствующий взгляд. Только сейчас я заметила, что все люди вокруг шли в одном направлении. Но самым ужасным было то, что они шли к тому месту, где совсем недавно остыл пепел от моей матери.

– Не смей! Не ходить туда, не ходить!

Я потащила обеих дочерей за руки обратно к дому, крича охрипшим голосом встречным людям, чтобы они тоже шли домой. Ладонки дочерей беспомощно болтались в моих ладонях. Девочки спотыкались, падали. Я схватила младшую на руки и с силой потянула старшую за собой.

Вдруг тяжелая и теплая волна ударила мне в спину, и, не

удержавшись на ногах, я упала лицом вниз. Во рту появилось что-то соленое. Звуки вокруг стихли, мои ладони наполнились пустотой и холодом.

Зуве

– Анна, вы меня слышите? – раздался незнакомый глухой голос прямо над ухом.

Я попыталась открыть глаза, но веки не слушались. Заметив мои усилия, кто-то рядом произнес:

– Пробуйте, пока не получится. После вирусной мутации такое бывает. Приходится заново учиться управлять мышцами. Мы даже кислород качали вам первые два дня, потому что легкие не умели дышать.

«После? Значит, я все-таки успела до дня рождения», – мелькнула утешительная мысль, на несколько секунд погрузив в состояние блаженства. Мне казалось, я совершенно счастлива и в полной безопасности. Хотелось, чтобы это продолжалось как можно дольше, но странные ощущения в области живота выдернули меня из состояния блаженства очень резко и неожиданно. Теперь казалось, что мое тело превращается в одну большую пустоту. Я прислушалась к незнакомым ощущениям, и словно камни, падающие с высокой горы, один за одним повалились на меня обрывки воспоминаний о последних событиях. С каждым новым воспоминанием мне становилось все больше, и наконец, не выдержав мучительного натиска, я закричала изо всех сил, которые оставались во мне на тот момент.

– Где дети? – отчаянно захрипела я, желая получить ответ

немедленно, каким бы он ни был.

Но оказалось, что мои связки тоже не работают. Лишь отчаянный глухой рык, похожий на звериный, раздался в невидимом мне пространстве.

Видимо, поняв мой вопрос каким-то другим, неизвестным мне способом, голос ответил:

– С детьми все в порядке, они выжили. К сожалению, это пока все, что я могу вам сказать.

От этих слов стало легче. Я снова попыталась открыть глаза, но получилось только почувствовать напряжение век.

– Да, забыл поздравить. Вам очень повезло. Вы мутировали в Зуве. Один шанс из миллиона.

– Зуве? Что это значит? И где, черт возьми, мои дети? – снова попыталась я крикнуть, и безвольные связки выдавали тихое бульканье.

– Вам сейчас не стоит нервничать. Набирайтесь сил. Учитесь управлять своим телом. Все вопросы потом. Деус скоро вас вызовет.

Голос рядом стих, и раздался звук удаляющихся шагов. Я не видела того, кто со мной разговаривал, но почему-то во мне появилась уверенность, что ему можно доверять. Впрочем, выбора все равно не было. Оставалось только ждать и надеяться, что скоро я все узнаю.

Через несколько минут ноющая усталость навалилась на мои глаза, и я снова заснула без всяких снов, что, наверное, было и к лучшему.

– Анна, вы спите? – раздался уже знакомый голос где-то рядом со мной.

– Уже нет, – спокойно ответила я и открыла глаза.

– Я вижу, у вас прогресс, – улыбнулся мужчина напротив и что-то записал в блокнот красивой ручкой металлического цвета.

– Точно, вчера же еще не могла даже языком пошевелить, и глаз открыть не получалось.

Я улыбнулась в ответ, разглядывая незнакомца.

Мужчина выглядел моим ровесником. Слегка седые волосы, серо-голубые большие глаза, толстоватые пальцы, немного сутул. Ноги слегка косолапят. Очень любит свою маму. Предпочитает оставаться дома, когда есть возможность не выходить на улицу. Хорошо готовит. Делает из деревяшек различные фигурки и раздает детям. Уважение для него ценнее, чем материальное вознаграждение. Его первый поцелуй обсмеяла одноклассница, поэтому он до сих пор стесняется целоваться.

Вдруг меня бросило в холодный пот. Я испуганно зажмурила глаза и легла на кровать.

– Что с вами? – заботливо спросил мужчина.

– Нет, ничего. Просто показалось, что я все про вас знаю, даже то, чего знать не могу.

– А, это ничего страшного. Можете открывать глаза. Они здесь ни при чем. Теперь у вас способности Зуве. Привыкайте. А что вас особенно сильно смутило во мне? – спросил он

с улыбкой на губах.

– Ваш первый опыт с поцелуем и то, что сейчас...

– Довольно, – перебил мужчина и покраснел. – Я вижу, вы уже совершенно здоровы и процесс мутации благополучно завершен. Теперь буду к вам приходить в защитном ка.

– Защитный ка? – еле сдержав улыбку, спросила я покрасневшего мужчину.

– Именно. Он есть только у сотрудников лаборатории. Специально от Зуве.

– Так значит, я в лаборатории?

– Извините, я не должен сейчас ничего рассказывать. Когда придет время, Деус сам введет вас в курс дела, а пока я удаляюсь, – тихо проговорил мужчина и исчез за круглой стеклянной дверью.

«Прекрасно. Я выжила и превратилась в какого-то Зуве. Мои дети живы, но где они находятся, пока непонятно. Кстати, где я нахожусь, тоже неясно. И почему я не помню, как заболела? Все очень странно, – подумала я про себя и подошла к крошечному окну, которое напоминало мини-иллюминатор. – Что ж, буду решать проблемы по мере поступления».

А вот и первый ответ на вопрос. Я точно не на Земле.

В маленькое оконце округлой формы виднелись белые купола, натянутые между разными большими зданиями. Но главное, что если слегка нагнуться к окну и задрать голову вверх, то можно было разглядеть кусочек неба. Совершен-

но голубого, безоблачного, равномерно окрашенного неба. Сначала показалось даже, что это кто-то большой и сильный протянул красивый лоскут над планетой, чтобы придать ей праздничный и безмятежный вид. Такое небо совсем не походило на земное, темное, тревожное, с оранжево-красными всполохами.

Недалеко от меня слева раздался легкий треск, из стены выдвинулся столик, на котором лежали любимые отбивные с рисом, апельсиновый сок в высоком узком стакане и, что больше всего удивило, самые обычные земные огурцы с обычными земными помидорами.

Вот это да... Что это за планета? Судя по небу, совсем не Земля, а судя по земным продуктам, очень даже возможно, она. А какое небо на Зельте? Я вдруг вспомнила рассказы мужа про другую планету. Но он всегда говорил, что небо там ярко-оранжевое, как солнце. Им даже выдавали специальные очки, потому что человеческие глаза без защиты быстро теряли зоркость с такими яркими цветами. Значит, это и не Зельт. Да и мало ли планет во Вселенной, о которых я никогда не слышала и не услышу?

Я расстроено села на кровать, а столик, будто прочитав мои мысли, подъехал с завтраком (или ужином) ко мне. Только в этот момент втянутый живот отчетливо дал понять, что я сильно голодна.

Проглотив предложенную еду, я улеглась на кровать и стала осматривать обстановку вокруг. Ничего странного, пожа-

луй, не было. Если не считать, что все предметы в помещении имели округлую форму. А раковина в ванной комнате вообще напоминала знак бесконечности, как будто была рассчитана на двух человек.

Вдруг откуда-то сверху раздался незнакомый женский голос:

– Анна Зай, через 10 минут за вами придут. Будьте, пожалуйста, готовы. Пульт от шкафа с вашими вещами находится слева от окна.

Ничего себе. Как они узнали мою девичью фамилию? И зачем мне шкаф с вещами? Или меня поведут к кому-то очень важному?

Я посмотрела на свою одежду в зеркало, внезапно появившееся рядом с окном. Одежда, скорее всего, напоминала ее отсутствие. Нечто похожее на латекс обтягивало все мои части тела, но я даже не чувствовала постороннего материала на себе.

Мда, пожалуй, стоит одеться. Не очень хочется идти куда-то почти голой.

К моему изумлению, в шкафу висели самые разные варианты привычной земной одежды, и рядом на внутренней полке, лежал цифровой каталог с другим ассортиментом, видимо, на случай, если мне не удастся подобрать себе ничего подходящего из одежды в шкафу.

Деус

Шагать по узкому коридору навстречу неизвестности было не очень приятно. Небольшая высота потолков и полутьма слишком контрастировали с палатой, где я совсем недавно училась заново открывать глаза и управлять голосом. Но меня никто не спрашивал. Поэтому я шла молча, несмело озираясь по сторонам. От моей палаты до кабинета кого-то важного оказалось ровно 145 лампочек и 7 поворотов в одну сторону. Пространство лаборатории явно сэкономили, не задумываясь об удобстве и местном дизайне.

– Подождите здесь. Когда загорится лампочка над дверью, зайдите, – тихо сказал сопровождающий знакомый мужчина в дурацком костюме, напоминающем балахон со знаком бесконечности на груди, и ушел.

Я задрала голову, чтобы заранее отыскать глазами эту лампочку, но ничего, что бы я могла назвать этим словом, поблизости не было. Неожиданно откуда-то моргнул пучок света и тут же погас. Я сделала глубокий вдох и протянула руку, чтобы открыть дверь, но впереди двери уже не было.

Помещение напоминало мою палату. Но здесь были большие окна, и из них открывался прекрасный вид на большие купола и безоблачное красивое небо, на которое хотелось смотреть, не отрываясь.

– Нравится? – раздался странный мужской голос из глу-

бины помещения.

– Очень, – ответила я тихо, пытаюсь отыскать незнакомца, который со мной разговаривал.

– Мне тоже нравится. Моя команда почти сотню земных лет проектировала такое небо. Надо было создать нечто такое, что было бы одинаковым для всех. Я имею в виду всех, кто за ним наблюдает. С учетом того, что у каждого своя реальность, достичь подобного результата оказалось непросто.

– Что значит «своя реальность»?

Слова, звучащие в пустом помещении, меня испугали.

– Хороший вопрос. Такие вопросы появляются только у Зуве. Об этом потом. Пока я расскажу, что вас ожидает и где вы находитесь. Признаюсь, сначала хотел поручить это своим помощникам, но потом решил, что для вас полезнее пообщаться со мной лично.

Я молча поводила глазами по помещению, всматриваясь в каждый угол и каждый предмет, но снова убедилась, что в нем, кроме меня, никого нет.

– Ах да! Забыл предупредить. Не пытайтесь меня рассмотреть. Не увидите. Но это не значит, что я не существую. Просто у меня нет определенной формы, к которой все привыкли, а значит, каждый меня видит по-своему. В зависимости от того, что сейчас чувствует и о чем думает. Например, прямо сейчас вы видите перед собой просторный кабинет с большими окнами. Значит, для вас это и есть я.

– Как мило, – не удержалась я и ехидно усмехнулась, –

я разговариваю с пустым кабинетом. На Земле таких людей раньше отправляли на промывку мозгов в специальные учреждения.

– Я понимаю, – спокойно продолжил голос, – что даже с вашим абстрактным интеллектом сложно допустить подобные вещи, но тем не менее все не так сложно, как кажется сначала. Все Зуве проходят через это.

– Скажите, где мои дети? – тревожно спросила я и опустила голову.

– Очередная иллюзия, неудачная попытка перевернуть сознание. Почти все пошло не так с самого начала...

– Извините, я не поняла, – забывшись, я перебила звучащий голос.

– Ладно, скажем иначе, словами, которые вы способны понять на своем уровне развития. С детьми все в порядке, живы. Более того, возможно, вы с ними увидите.

– Когда? – торопливо крикнула я в пустоту.

– Когда придет время. Чем быстрее вы научитесь, тем лучше, – уклончиво ответил голос и смолк.

– Чему я должна научиться? – растерянно крикнула я в пустоту, но передо мной снова ярко вспыхнул пучок света, и все исчезло. Я снова стояла перед закрытой дверью в кабинет, с которым только что разговаривала.

Ничего себе, этот говорящий кабинет даже не попрощался! Я разозлилась и попыталась снова открыть дверь.

– Меня зовут Александр, – неожиданно сзади раздался

знакомый мужской голос моего проводника и свидетеля моей беспомощности в кабинете. – Деус решил, что вы еще не готовы все узнать. Я помогу вам подготовиться.

Я обернулась и поймала себя на мысли, что рада разговору с обычным человеком, а не каким-то содержанием без формы.

– С завтрашнего дня начинаем обучение.

– Деус? Так, это значит, с ним я сейчас разговаривала?

– Именно так. Для вас это большая честь. Не все Зуве беседуют с Деусом лично.

– Наверное, я должна радоваться? – с серьезным лицом без намека на улыбку спросила я мужчину.

– Вы позднее все поймете, – кротко ответил Александр, и мы пошли обратно. Ровно через 145 лампочек и 7 поворотов я была у своей палаты.

– Отдыхайте пока, поспите, силы вам понадобятся.

– Спасибо за совет, – из вежливости холодно ответила я и легла на свою кровать.

Сейчас мне ничего не хотелось. В голове танцевали карамболь мысли разных цветов и мастей. Где я нахожусь, где мои дети? Почему я не могу их увидеть, если они живы? Почему я должна учиться и для чего? Что такое своя реальность?

Особенно интересовало, как так может быть, что содержание есть, а формы нет. Но откуда тогда берется голос? Тогда должны же быть голосовые связки? И каким образом содержание имеет разные формы, меняя их? От чего или от кого

это зависит?

Почему-то вспомнилось, как еще в детстве я сидела с мамой на веранде и настойчиво выпытывала:

– Мам, скажи, а для чего мы живем? Кому нужно, чтобы мы жили?

А мама растерянно отвечала:

– Нам нужно и тому, кто нас создал.

– А кто нас создал?

– Тот, кому это нужно, – с улыбкой отвечала мама, и я понимала, что она не знает ответ.

– Когда я вырасту, я обязательно спрошу у него, а потом расскажу тебе.

Мама молча кивала в ответ и соглашалась.

– Спроси, спроси, дочка.

Понимая, что пока я не смогу получить ответ ни на один вопрос, так же как в детстве, я решила воспользоваться советом Александра и просто заснуть. Пожалуй, это было единственное верное решение на тот момент.

Чувство вины

Всю ночь мне снилась младшая дочь. Я безумно любила этого ребенка за неподдельный восторг, с которым она принимала все события жизни. Неужели девочка совсем не видит беспросветных дней и лишений, не чувствует постоянного страха? Неужели этот ад вокруг кого-то радует и умиляет? Частенько я задавалась подобными вопросами, но объяснить самой себе могла ее жажду к жизни лишь одной вещью. Эту вещь я никогда не озвучивала и обещала самой себе, что никогда никому о ней не расскажу.

События того вечера до сих пор терзали мое сердце и душу. Чувство вины выворачивало наружу мучительные угрызения совести за то, что я собиралась сделать со своим ребенком. Когда мне сообщили, что муж погиб на планете Зельт, до родов оставалось три месяца. Первая мысль, пришедшая после ужасного известия, самым наглым образом касалась будущего моей семьи. Первое, о чем я подумала, как теперь мне растить детей и содержать мать?

Женский труд на нашей планете уже давно не имел ценности, и частенько женщины, оставшиеся без алиментации со стороны мужчин, добровольно уходили в лагеря за пределами чистой зоны. Какое-то время там можно было жить, но недолго. Потому что без защиты от радиации человеческие тела очень быстро превращались в трухлявые обезображен-

ные организмы.

Все женщины боялись потерять кормильца, а уж с детьми тем более. Я тоже боялась. Именно поэтому хотела родить мальчиков, а не девочек. Так вот, узнав о гибели мужа и во всех красках представив себе перспективы мучительного проживания в грязной зоне двух детей, себя и мать, я решила, что правильным будет обратиться к врачу, пока второй ребенок еще не родился.

Процедуру обещали сделать быстро. Всего один прокол, чтобы запустить в околоплодные воды специальный препарат, вызывающий полное растворение частей тела малыша. Совершенно безболезненно для матери и, как меня уверили, для ребенка, так как первыми от действия препарата блокируются все нервные окончания. Учитывая обстоятельства, мне разрешили сделать это утром перед завтраком, чтобы к вечеру успеть вернуться домой.

Всю ночь я прощалась с той, кого еще совсем недавно желала видеть больше всего на свете. Я разговаривала со своим животом, гладила его, объясняла свое решение и просила у него прощение. Мне казалось, я все делаю правильно, потому что этим решением увеличиваю шансы на жизнь старшего ребенка. Под утро, совершенно без сил, я пришла к врачу на процедуру самая первая и попросила сделать это прямо сейчас, потому что моральных сил уже не осталось.

Неожиданно дверь открылась, и в кабинете забежала маленькая беленькая девочка трех лет, мама которой сидела в

очереди и ждала, когда я выйду. Девочка подбежала к врачу и потянула мужчину за халат.

– Пожалуйста, не делайте укол моей маме, я очень хочу братика, – защебетала она и потянула врача в сторону двери. – Скажите маме, что нельзя убивать моего брата, – продолжила малышка и топнула ногой с серьезным личиком.

Мать девочки схватила ее за руку.

– Доктор, простите, она случайно услышала наш разговор с отцом. Сейчас ее уведу и приду позднее. Простите еще раз.

Доктор молча покачал головой и вернулся ко мне.

– Ну что ж, сейчас будет немного неприятно. Потерпите.

– Стойте, – со слезами на глазах я слезла с большого кресла. – Я не могу, извините, я не могу.

– Да что ж за день сегодня такой, – пробурчал доктор себе под нос, убрал большой шприц на металлический поднос и снял перчатки.

Утиной походкой с большим животом, обгоняя других женщин, я петляла по больничным коридорам, пытаюсь найти выход. Голова почти не работала. Я не знаю, что будет потом, но я не могу этого сделать сейчас. Я не могу убить своего ребенка. Не могу. С этими мыслями через час я все-таки оказалась дома и почти целый час не отпускала от себя старшую дочь. Может быть, я хотела ей признаться во всем и получить ее прощение за свои мысли. Я не знаю.

После той ночи я каждый день проживала с чувством вины перед Аришей. А она с самого рождения с особой жад-

ностью и усердием впитывала в себя все то, что мы называли жизнью. Постоянно улыбающийся довольный счастливый кудрявый моторчик, который помогал своей матери и бабушке хотя бы на время забывать о тяжелой реальности.

Змея

Утром я открыла глаза оттого, что внутри меня шевелилось что-то холодное и сильное. Что происходит? Такое ощущение, что я снова беременная, но только ощущения в несколько раз сильнее шевеления ребенка.

– Доброе утро, – раздался голос Александра.

Как только он вошел, меня тут же потянуло навстречу, будто внутри моего тела сидела голодная змея, только что увидевшая свой обед.

Видимо, поняв мое стремительное приближение, мужчина улыбнулся:

– Тянет к людям?

– Не знаю. Наверное, – удивленно ответила я.

– Потерпите, я в защитном ка, поэтому не пригожусь. Но после завтрака мы накормим вашу змею тем, что она ищет.

– Откуда вы знаете про змею?

– Про Зуве мы знаем все, вернее, почти все.

Я смотрела на него испуганными глазами и быстро хлопала ресницами.

– Не пугайтесь. Скоро привыкнете. А пока приятного аппетита.

Как только он ушел, змея внутри меня свернулась клубочком и больше не мешала своими движениями. Я тихо дошла до кровати, рядом с которой уже стоял столик с завтраком.

Минут через 30 я уже раздумывала, что бы такое надеть. Сегодня же особый день, черт возьми, меня будут чему-то учить и кормить какую-то змею. Я накинула на себя серебристый комбинезон и отправилась к окошку, разглядывать то, что спрятано за пределами этой лаборатории.

Впрочем, долго этим заниматься не пришлось. Буквально через 10 минут за мной пришел Александр. В этот раз змея даже не пошевелилась от его присутствия. Наверное, поняла, что защитный ка ей не по зубам. Учебная комната находилась ближе, чем говорящий кабинет. Я насчитала всего 23 лампочки и 3 поворота.

– Садитесь. – Александр махнул рукой в сторону округлого стола. – Чтобы вам быстрее всему научиться, рекомендую сначала только слушать. Все вопросы завтра.

– Почему не сегодня, – не удержалась я.

– Потому что осознание бессознательного – это долгий процесс, и, возможно, ночью вы сами поймете то, что вам сегодня объяснят. Такая форма усвоения нового материала намного эффективнее. Кроме этого, свои вопросы формулируйте максимально понятно. Договорились?

Я молча пожала плечами.

– Анна, в ваших же интересах быстрее получить всю базу знаний.

– Почему мне это должно быть интересно?

– Потому что только после этого у вас появится шанс увидеть детей.

«Что ж, ради детей буду хорошей ученицей», – подумала я, но вслух ничего не сказала.

– Итак, начнем. Что вы можете сказать об этой женщине?

В кабинет вошла черноволосая коренастая женщина с пухлыми ногами и руками.

Я почувствовала, как молниеносно во мне развернулась змея и бросилась в сторону женщины. С трудом удерживая свое тело на стуле и вцепившись руками в стол, я задрожала.

– Объясните змее, что необязательно приближаться к человеку физически, – одобрительно сказал Александр.

– Каким образом я ей объясню? – со злостью я зыркнула на учителя, продолжая удерживать себя силой на стуле.

– Все просто. Она это вы. Просто в человеческом теле. Объясните себе, что можно не приближаться, и дайте ей, то есть себе, свободу. Сосредоточьтесь на женщине. И змея сама найдет дорогу к ней без физического контакта.

Я зажмурила глаза, сжала пальцы и зубы. Со стороны мой лоб, вероятно, походил на сморщенное яблоко.

– Итак, что вы скажете об этой женщине?

Вдруг что-то внутри меня, что недавно было холодным и неприятным и называлось змеей, превратилось в теплый журчащий поток и будто вылилось из моего лба в сторону женщины.

А дальше начались сумасшедшие вещи.

Будто слайды кинофильма один за другим сменяли друг друга моменты из жизни этой женщины.

С закрытыми глазами я заговорила:

– С детства девочка жила с обидой на мать. Та уделяла все свое время младшему сыну. Вот девочка стоит в углу за то, чего не совершала. Вот она не получила обещанный подарок. Вот ее не похвалили, хотя она очень старалась. Вот ее брат порвал ее платье и свалил все на нее. Острое ощущение несправедливости по отношению к себе. Обида на родителей, на брата. Вот ее повели в кружок гибкости, и над ней смеялись все ребята, потому что ее мышцы совсем неэластичные. Вот ее отец кричит за то, что она не смогла сдать нормативы в школе и теперь ей не дадут аттестат. А это значит, что она не сможет никогда устроиться ни на какую работу. Толкает ее. Девочка падает и плачет. Вот ей добрый мужчина предлагает создать семью, а она не соглашается. Теперь ей кажется, что все мужчины такие же, как ее отец, и могут поднять на нее руку.

– Довольно! – громко и четко скомандовал Александр.

Я вздрогнула, и теплый поток моментально втянулся в меня. Только теперь я не чувствовала холода внутри. Наоборот, я наслаждалась, как усталый путник, получивший возможность выспаться, или умирающий от жажды, получивший глоток воды. Мне казалось, что сейчас я сделала то, для чего была рождена. И не было ничего важнее и приятнее за всю мою жизнь, чем этот теплый поток, распахивающий передо мной всю жизнь другого человека.

Александр выдержал паузу в несколько секунд и захлопал

в ладоши.

– Что ж, поздравляю, отличное начало. Что вы сейчас чувствуете?

Я проводила взглядом женщину, которая уже скрывалась за дверью.

– Мне сложно описать словами. Но... это было здорово.

– Голова не болит?

– Пожалуй, нет. Скорее хочется летать.

– Летать? – Мужчина удивленно поднял брови.

– Я образно выразилась, – улыбнулась я и поймала себя на мысли, что автоматически пытаюсь направить на него свой поток, который даже не думает открываться.

Все-таки защитный ка отлично работает.

– Я сегодня молодец? – продолжила я, пользуясь хорошим настроением учителя. – Может, расскажете, кто такие Зуве?

– Помните, о чем мы договаривались утром?

– Все вопросы завтра, – рассеянно ответила я, уставившись в стол. – Но это же не про женщину, а про то, что вообще...

– Вам будет о чем подумать. До завтра, – перебил меня Александр. – Вы дорогу к себе помните?

– 23 лампочки и 3 поворота, – пробурчала я.

– Тогда до завтра. Жду вас в это же время. Постарайтесь сегодня найти объяснение тому, что видели.

Я послушно вышла из кабинета и снова оказалась в коридоре с низкими потолками.

– Шесть... семь... восемь... девять... – считала я лампочки на обратном пути, не думая ни о чем. Вдруг прямо из стены открылась дверь. Я остановилась, чтобы посмотреть, кто оттуда выйдет, но никого не было. Тогда я дотронулась до ручки двери и потянула ее на себя.

Лаборатория

Конечно, я не ожидала узреть в этом странном месте нечто обычное, но то, что я увидела, было более чем фантастическим. Огромный зал в несколько сотен метров с высоченными потолками светился всеми цветами радуги. На больших металлических столах стояли тысячи пробирок, в которые время от времени тонкие щупальца роботов что-то опускали, потом перемешивали, потом опять добавляли. Нечто подобное я видела у нас на Земле, когда в больнице случайно попала в лабораторию, где проверяли эмбрионы.

Я тогда жутко испугалась увиденной картины. Да, мы все прекрасно знали, что на Земле уже более 300 лет женщинам подсаживают только здоровые эмбрионы, без генетических отклонений. И мы считали это правильным. Но наблюдать процесс их изучения и очищения удавалось мало кому со стороны. Этим занимались только специально обученные люди и специально созданные роботы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.